

18+

Сборник рассказов

ПРОСТО
ЖИЗНЬ...

Ася Тепловодская

Ася Тепловодская
Просто жизнь...
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016697
ISBN 9785005169068*

Аннотация

Книга «Просто жизнь...» состоит из 30 рассказов, можно сказать, подсмотренных у жизни. Маленьких новелл, написанных в разных странах и в разное время, впервые собранных в одном издании. Книга никого не оставит равнодушным. Читатель взгрустнет и улыбнется, переживая вместе с героями «Просто жизнь...»

Содержание

От автора	5
Вместо биографии	6
Раздел первый. В той жизни...	8
Призрачная грань	8
Жизнь неизбежна...	17
«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»	24
ЭВМ	32
Ностальгия по дефициту	38
Говорят...	43
Студенчество...	46
Раздел второй. В новой реальности...	51
Соня	51
Есть судьбы...	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Просто жизнь...

Сборник рассказов

Ася Тепловодская

© Ася Тепловодская, 2020

ISBN 978-5-0051-6906-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Представляю вашему вниманию сборник рассказов. Разных по времени написания и даже по странам, в которых они были написаны. Мои герои – это просто Жизнь, которая «кипит, бурлит, протекает» вокруг нас с вами. Герои – самые обычные люди, такие, как и мы. Они живут, радуются и огорчаются, ищут и находят, любят и ненавидят. И в моих рассказах есть еще один герой – это сама госпожа Жизнь...

И если вам взгрустнется или вы улыбнетесь, буду рада, значит, рассказы не оставили равнодушными.

Вместо биографии

Моя биография тесно связана с морем. Начиналась она в Мариуполе, в городе у самого ласкового на свете Азовского моря. Какой там народ проживал... А греческие села вокруг с их хороводами, песнями, красивыми и неземными, хотя уже сотни лет прошло с тех пор, как они поселились на этой земле. А все равно поют, плачут и радуются на своем языке. А Мариупольский привоз... Азовские бычки, сладкие да вкусные. А сказочным город становился тогда, когда цвели вишни, яблони, абрикосы и сливы. А потом цветочный снег усыпал улицы... Земля там была настолько плодородная, что мариупольцы шутили: брось косточку – вырастет дерево. И оно росло на радость людям...

С учительницей мы еще детьми побывали на Черном море. В Крыму. Черное море потрясло меня своей прозрачностью и чистотой. Ляжешь на надувной матрас, наденешь маску и смотришь вниз: как в телевизоре, открывается удивительный и сказочный подводный мир. Там впервые я увидела дельфинов не в кино, а прямо возле тебя. Один подплыл ко мне, позволил себя погладить и что-то урчал, видимо, хотел чем-то важным поделиться. Ребенком мне показалось, что я поняла его язык, он очень хотел со мной подружиться.

Затем – Махачкала – Каспийское море, непоседливое и грозное. Горы и море сформировали характер людей, су-

ровый, но открытый и приветливый, где каждому гостю рады. Кто не бывал на восточном базаре, трудно понять его прелесть и неповторимость. Но главное – рыба: нежнейшая осетрина, вкуснейшие белужка и севрюжка. А селедка – каспийский залом, а соленый кутум? И каспийские бычки, и черная икра ложками...

Через много лет произошла моя встреча с Мертвым морем. Там очень красиво, но отношения у нас не сложились. Видимо, не сошлись характерами.

А теперь Ашдод и Ашкелон, города, которые не всегда обозначают на карте мира, хотя им исполнилось больше пяти тысяч лет, – Средиземное море, веками непостижимое и хранящее свои тайны. Это как шаг в совершенно другую реальность, в другой мир, в котором выросли дети и уже растут внуки. Земля, которая подарила радость творчества. Из окна вижу море, в нем столько цветов и оттенков, что не хватает слов и красок. На этой земле вечная весна... Леонид Финкель пишет, что эта земля его узнала. Когда я сошла по трапу самолета, эта земля просто вошла в меня, с тех пор я живу здесь – как будто так было всегда... Как писал Ханан Токаревич: «Я вернулся домой через бездну столетий...»

Я утром и вечером гуляю по набережной. Вдыхаю морской воздух, подставляю лицо прохладному морскому бризу... После такой прогулки легко думается и пишется...

А вот плавать в жизненном море так и не научилась...

Раздел первый. В той жизни...

Призрачная грань

Бывают в жизни ситуации, когда очень зыбка грань между мистикой и реальной жизнью, и иногда очень трудно бывает отделить одно от другого, понять, где проходит граница, где та дверь из реального мира в, как сейчас модно называть, виртуальный.

Много лет прошло с тех пор, как это случилось, но я до сих пор не знаю сама, что в этой истории правда, а что мистика.

Обычно существует тесная связь ребенка с матерью, но иногда такое единение на энергетическом уровне существует между отцом и ребенком. Папа был для меня всем, он настолько любил нас с сестрой, что, казалось, совсем забывал о себе. Он жил нашими заботами, радостями, печальями. Вместе с ним мы учились готовить, убирать, стирать. Нет, не потому, что мы не любили маму, мы ее и сейчас очень любим, а потому что она все время работала, и мы ее почти не видели.

С папой я впервые в жизни приехала в Москву. Побывала в Ленинграде, плавала по Волге на теплоходе. Уже выйдя замуж, уехав далеко от дома, я каждый год приезжала сна-

чала одна, затем с детьми к родителям в гости. Папа много лет болел, каждые весну и осень он ложился в больницу для профилактического лечения. Так было и в этот раз. Ничто не предвещало беды. Мне снились плохие сны, но, когда я дозванивалась домой (а тогда это было проблемой), то мама говорила, что ничего страшного, это обычная профилактика.

Скоро у меня начинался летний отпуск, я собиралась к родителям, как обычно.

Однажды днем я задремала, сидя в кресле, и проснулась от кошмара, который мне приснился. В тот же момент услышала, что в дверь звонят.

– Вам телеграмма, – ее сунули мне в руки. – Распишитесь.

Даже не читая, я уже знала, что папы больше нет.

Я срочно вылетела в город детства. Затем похороны. Все, как в тумане.

Но жизнь продолжается. Вернувшись домой, в первую же ночь я увидела странный сон. Напротив диван-кровати в комнате стоял стол, а вокруг – стулья. На стуле рядом со мной сидел папа и смотрел на меня, как будто что-то хотел сказать.

Сначала я решила, что это кошмар после всего пережитого, но, когда сон стал повторяться каждую ночь, я задумалась. Может быть, мы что-то не так сделали, поэтому дух его не может покинуть Землю?! Что мне только ни советовали родные, друзья и просто знакомые: давала деньги, чтобы чи-

тали молитвы в синагоге, пекла и раздавала пирожки и печенье, конфеты... Ничего не помогало.

Следующим летом я снова была у него на могиле, поставила памятник вместе с мамой и сестрой, но все было напрасно. Каждую ночь, как только я закрывала глаза, мне снился папа, который пытался мне что-то сказать.

Самое интересное, что это происходило только со мной: ни к маме, ни к сестре он «не приходил». Так продолжалось больше четырех лет. И вдруг в одну из ночей я, как это бывает только во сне, наконец-то смогла спросить:

– Папа, что происходит? Что мы сделали не так?

На что он мне ответил:

– Доченька, я не хочу уходить, не могу без вас, хочу вернуться к вам.

– Папа, родной, мы тоже этого хотим, но это невозможно. Это еще никому не удавалось. Я очень люблю тебя и скучаю, но не знаю, чем я могу тебе помочь.

– Конечно, можешь! Ты беременна, родишь мальчика, назовешь его моим именем, и я буду рядом с вами.

– О чем ты, папа? Мне уже сорок лет. Какой ребенок, какая беременность?

– Ты ведь хочешь, чтобы я вернулся или нет?

Тут будильник разбудил меня. Однако я помнила каждое слово, как будто это было наяву. Прошло немного времени, и я перестала видеть папу. Он больше «не приходил». Все было хорошо.

Но вдруг у меня резко стало подниматься давление, шла носом кровь. Врачи разводили руками: возраст, ранний климакс... Только мне вдруг стало очень беспокойно. А вдруг папа прав? Я пошла к своей знакомой – гинекологу – и рассказала о своих смутных подозрениях, на что она просто рассмеялась:

– Вам уже за сорок, у вас просто начинаются возрастные проблемы.

Однако с каждым днем мое беспокойство все увеличивалось. Теперь мне снился другой сон: малыш, которого я уже люблю, хотя еще ничего о нем не знаю.

Чтобы успокоиться и развеять последние сомнения, я упросила врача достать мне направление на «узи» в новый диагностический центр, который только что открылся у нас в городе. Направление достать не удалось, так как все было забито обкомовским, горкомовским и другим начальством на многие месяцы вперед. Поэтому она сделала проще: дала мне записку к врачам, которые там работали, на консультацию, тогда это называлось «по благу». С этим волшебным клочком бумаги я благополучно и добралась на «узи». Там, не успев прикоснуться к моему животу, радостно сообщили:

– У вас мальчик. Хотите посмотреть?

– Конечно, – машинально ответила я, переваривая услышанное. – А какой срок?

– Недель двадцать.

Я была потрясена – вот и не верь снам. Дома я отсчитала

20 недель и поняла, что папа не обманул меня.

Обсудив все с мужем, решила, что уже поздно заводить ребенка и, сдав все анализы, отправилась на аборт. Придя в больницу, с удивлением узнала, что отключили воду на сутки из-за крупной аварии, поэтому сегодня приема не будет. Такого не помнили даже те, кто давно работал здесь. Очередь перенесли на другой день. Но в этот день врач, к которому я была записана, попал в дорожную аварию, правда, пострадал не сильно, но нас снова отодвинули на другой срок. Все это стало казаться мне странным. А вам?

В тот день, когда я должна была сделать третью попытку, муж гулял с сыном, тот потянулся за виноградной кистью, упал вниз головой, сильно ударился, оказалось – сотрясение мозга. Мы на «скорой помощи» доставили его в больницу в тяжелом состоянии. Он не реагировал ни на что. Я очень испугалась. Мало того, когда его подняли в отделение, то оказалось, а тогда это был такой период в жизни страны, нет лекарств. Я позвонила друзьям, и они доставили их несмотря на то, что была уже глубокая ночь.

Позже, сидя у постели сына, выкрикивающего что-то бессознательно, я почувствовала чью-то руку на своем плече, вздрогнула и обернулась: рядом со мной стоял папа.

– Вот видишь, что ты наделала, – с горечью сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Я же сказал тебе, что хочу вернуться. Разве ты не любишь меня?!

– Папа (ерунда какая-то!), у меня есть двое детей, нам очень трудно материально, да и в моем возрасте выносить ребенка просто невозможно.

– Скажи, что не хочешь, а не ищи причину, – обиделся он. – Что ж, но знай, если ты все-таки будешь еще пытаться избавиться от дитя, могут произойти страшные вещи. Я не хочу никому плохого, но от меня это уже не зависит. Я только хочу к вам вернуться, что здесь такого?

– Папа...

Но он уже исчез.

Странно то, что в эту ночь в палате были только мы с сыном, хотя в других все места были заняты, больные лежали даже в коридоре.

Я долго сидела, пытаюсь осознать все, что произошло. Наконец твердо решила, что оставляю этого ребенка и положусь на судьбу: выношу, значит, так тому и быть.

Утром сын внезапно проснулся бодрым и веселым, а врачи на утреннем обходе недоумевали: зачем его положили в больницу? Куда так быстро исчезли симптомы сотрясения мозга?

Следующие месяцы стали для меня тяжелейшим испытанием. К концу седьмого месяца я чувствовала себя ужасно. Эта беременность выявила у меня множество болезней, о которых я даже не подозревала. К тому же, дети у меня рождались с большим весом, видимо, и этот не отставал.

И вот однажды вечером я вдруг отчетливо поняла, что

должна родить. Пошла к своему врачу и сказала ей, что мне уже пора. Она рассмеялась и ответила, что все это глупости, велела потерпеть, так как еще не время, и отправила меня домой. Ночь я не спала, папа снова сказал мне, что малыш немедленно должен родиться.

– Но, почему, папа? Ведь врачи говорят, что в таком сроке это очень опасно. Надо подождать.

– Нет, – рассердился он, а ведь мой папа никогда в жизни не сердился на меня.

Утром я еле заставила себя встать с постели, опять пошла к врачу и сказала, что, если она у меня не примет роды, то я рожу прямо здесь!

– Ну, что за упрямство? Такое я вижу впервые. Ладно, давай я тебя посмотрю.

Закончив осмотр, она с удивлением сказала:

– Да, пожалуй, пора, – и отправила меня в приемный покой оформляться.

Когда я туда вошла, медсестра, прочитав мою историю болезни, удивленно посмотрела на меня и, глядя поверх очков, спросила:

– Как, вы еще и беременны?

Затем она заполнила карточку и дала мне градусник, чтобы померить температуру, но тут я уже не выдержала. Адская боль разрывала меня изнутри. Родив двоих детей, я даже не знала, что такое схватки, так как их у меня попросту не было. Медсестра, увидев выражение моего лица, закри-

чала:

– Сюда!

Я побежала, она за мной, схватив мои тапочки. Так мы и ворвались с ней в родзал, где меня уже ждала моя знакомая. Не успела я лечь на кресло, как вдруг все поплыло у меня перед глазами...

– Нет сердцебиения!.. Стой, куда ты??

Затем темнота, но только на мгновение, так как врач, не растерявшись, вылила на меня ушат холодной воды в буквальном смысле слова. Надо сказать, что в то время наши роддома были в плачевном состоянии. Необходимо было брать с собой все: белье постельное, рубашки, бинты, лекарства и даже шприцы.

И вот, я, вынырнув из темноты, услышала:

– Вы одноразовые шприцы принесли? – вопрос молоденькой сестрички.

– Сейчас сбегаю, – пошутила я.

– Ну, раз шутит, все в порядке, – измученно констатировала врач.

Вдруг врач воскликнула:

– А вот и малыш!

Все произошло так быстро, что все растерялись. И вдруг – тишина, странная, зловещая. Все почему-то, бросив меня, склонились над ребенком.

– Что случилось? Он жив? – с замиранием сердца спросила я.

Уже потом, в палате, врач объяснила мне, что очень редко, при начальном зачатии ребенка пуповина закручивается в узел вокруг плода, и когда ребенок подрастает, да еще и вертится внутри живота, узел затягивается, и тогда огромная вероятность, что ребенок задохнется. Так и мой малыш родился с затянутой вокруг шейки пуповиной, только мастерство и мгновенная реакция врача спасли от беды.

– Как ты узнала, что рожать надо сегодня, что завтра будет уже поздно?

«Это не я, это папа», – хотелось ответить мне, но я боялась, что меня не поймут.

Малыш заплакал, плакали от счастья все: врач, медсестры. Я их понимаю, ведь так прекрасно спасти чью-то жизнь.

Его тут же дали мне подержать, и, вы не поверите, он вдруг посмотрел на меня папиными глазами.

Малышу было четыре с половиной месяца, когда вдруг тяжело заболела мама. Я с детьми поехала, чтобы забрать ее к себе. Она взяла внука на руки, и больше они не расставались, как будто стали единым целым.

Прошло много лет, но иногда в дни, когда мне особенно трудно и плохо, мой сын вдруг улыбнется, посмотрит на меня, и я чувствую папину нежность, папину поддержку. И точно знаю, что папа рядом, он вернулся. Пусть даже в это никто не верит.

Жизнь неизбежна...

Жизнь – чудесница. Чудеса, которые она дарит миру, не напишет ни один сценарист.

Была у меня подруга, молодая, красивая. Отбою от женихов не было. Но... Она всех отвергала.

– Почему? – однажды решилась спросить я.

– Когда-то в детстве я упала и сильно расшиблась, мне сделали несколько неудачных операций. Я хожу, но... детей у меня никогда не будет. А выходить замуж, чтобы муж и све-кровь упрекали меня, не хочу.

Но я не могла поверить, что такая красавица бесплодна. И договорилась с одним очень известным профессором, чтобы он посмотрел ее, снимки и вынес свой профессорский вердикт. Уговорила подругу. Она нехотя пошла. Профессор, маленький и лысенький, долго демонстрировал снимки студентам, осматривал подругу, наконец, изрек:

– Дитя мое, ты видишь мою лысину? – для пущей убедительности он наклонил к ней свою голову, и его лысина за-сверкала в неоновом свете. – Как ты думаешь, на ней могут снова вырасти волосы?

Это сейчас на лысой голове вполне могут прорасти во-лосы, взятые напрокат из других... интимных частей тела, а тогда этого не знали.

– Конечно, нет, – ответила моя подруга.

– Вот видишь, к сожалению, хотя я тоже мечтаю о шевелюре. Так и у тебя не может быть детей.

В присутствии группы студентов это прозвучало как приговор, который обжалованию не подлежит. Она вернулась расстроенная, потерявшая всякую надежду.

Но однажды в нее влюбился красивый парень. Да так влюбился, как в романах мыльных. Мыла было много, пузырей тоже, но... как красиво!

И я решила помочь подруге, ну, не пропадать же такой красавице! И говорю ей:

– Ты знаешь, прабабка у меня была потомственной цыганкой, хочешь, я тебе погадаю? Никому никогда не гадаю, только тебе, случай у тебя исключительный! Решайся!

– А ты действительно умеешь?

– Конечно! Карты скажут правду и ответят на твои вопросы.

Она согласилась. Я зажгла свечи, чтобы было натурально, разложила карты... Даже сама удивилась... Карты обещали быструю беременность и роды. А они ведь никогда не врут.

– Мальчик... – задумчиво произнесла я.

– Где, где мальчик? – пыталась заглянуть в карты подруга.

– Да вот же он! Слушай, выходи замуж и не думай! Все у тебя получится!

Это сработало! Свадьбу сыграли пышную. Прошло время... Каждый был занят своими делами, я не хотела мешать подруге, все-таки, медовый месяц... Так пролетело полго-

да... Она неожиданно зашла ко мне попросить что-то от головной боли. А жили мы – я на первом этаже, она – на восьмом. Я, как ее увидела, сразу поняла, что она беременна, и даже немного обиделась.

– Послушай, поздравляю тебя! Но почему ты мне не сказала, я была бы счастлива.

– Ты о чем? – уставилась на меня подруга. По-моему, у нее сразу головная боль прошла.

– Как о чем? Тихушница! Скрываешь свою беременность, а могла бы и поделиться с подругой такой радостью!

– Ты что, с ума сошла! О чем ты?

Она мне не поверила, решила, что я помешалась на этой идее фикс. Но к гинекологу помчалась. Та долго искала что-то внутри, затем делала узи, наконец, изрекла радостно, дескать, нашла:

– Мальчик, двадцать недель!

Подруга потеряла сознание. Пришла в себя, они ее водой поливают.

– Мамаша, – сурово сказала медсестра. – Дети – это радость!

– Да, да, – глотая слезы, согласилась подруга.

Но, как оказалось, испытания ждали нас впереди. Подходил срок родов. Муж приятельницы от радости договорился об отдельной палате, самых лучших врачах, и... спокойно улетел в командировку. Вообще, настоящие мужчины всегда, когда особо нужны, улетают в командировку. И в жизни,

и в кино. Через неделю прибегаю домой на перерыв. Времени мало, надо все успеть. Вдруг стук в дверь такой, что сейчас дверь снесет.

– Кто? – спрашиваю.

– Откройте! Соседка! Роды! – тарабанит в дверь со всей силы тетя Валя, соседка моей приятельницы, полная пожилая женщина с больными ногами.

Я распахиваю дверь, она врывается в комнату, падает на диван. Говорить не может, раскрывает рот, как рыба... Приношу стакан воды, наконец-то понимаю, что у подружки начались роды, а дома никого нет... Что делать? Звоню в «скорую», обещают приехать...

– Бежим! – тянет меня за подол халата тетя Валя.

– Куда?

– Роды принимать!

– Но как? – понимаю, что вопрос бесполезен в данной ситуации.

Тетя Валя вскакивает и выбегает на лестничную площадку, я за ней. Она бежит по лестнице впереди меня так резво, что я вдруг вспоминаю про ее больные ноги.

– А лифт?

– Лифт не работает!

Ничего удивительного! Лифт был украшением нашего дома и работал только тогда, когда хотел, как и мусоропровод.

Тетя Валя мчится на восьмой этаж так лихо, что я диву даюсь, как это у нее получается. На пятом этаже дверь откры-

вает Светка, студентка мединститута. Я быстро соображаю:
– Свет, бежим с нами! Подруга рождает! – хватаю ее за руку и тещу за собой.

– Да мы ж еще акушерство не проходили, только в общих чертах... – жалобно скулит она.

– А мы и вовсе не проходили, будет тебе практика!

Мы продолжаем нестись по лестницам втроем, от нашего топота на лестничные клетки выскакивают бабушки и дедушки, интересуются, что случилось и... мчатся вслед за нами! Наконец, запыхавшиеся, как будто сдававшие сто-метровку, влетаем в квартиру. Роженица стонет и мечется на кровати с выпадающими от боли глазами.

– Что делать? – кричу я Светке.

– Откуда я знаю!

В этот момент природа лучше нас понимает, что делать. Ребенок, разрывая роженицу буквально на части, с огромной скоростью выпадает на белый свет. Все замерли... Тишина... Я осторожно подхожу к роженице и смотрю на малыша. Он дышит, открывает глазки и смотрит на меня.

– Жив! – радостно кричу я.

– Жив! – повторяют, как эхо соседи, заполнившие квар-тиру.

Теперь надо отрезать пуповину. Ищу глазами Светку. Она прячется. Тещу ее к ребенку, сую в руки ножницы.

– Сколько сантиметров надо оставить?

– Не... знаю... – дрожащими руками берет она ножни-

цы. – Мы это еще не проходили.

– Ладно, оставим побольше, медики разберутся, троечника несчастная. Режь!

– Б... Боюсь!

Хватаю ее руку с ножницами, и мы, дрожа в такт, все-таки такая ответственность, трясущимися руками обрезаем пуповину. Народ радостно созерцает и награждает нас аплодисментами. Я бегу в детскую, где уже все приготовлено, стягиваю простыню с кровати и заворачиваю малыша, как получается. Он смотрит на меня глазами ангела, сопит и вдруг начинает сосать пальчик, видимо, ему здесь понравилось.

В этот момент открывается входная дверь и в квартиру вваливаются уставшие, запыхавшиеся медики. Ура! «Скорая» приехала, не прошло и сорока минут!

Врач с огромным животом, запыхавшись от подъема на восьмой этаж, плюхается на диван и выдыхает:

– Уф! Сейчас рожу!

Я, представив себе вторые роды, кричу:

– Только не это! Умоляю!

Она, умиленно глядя на малыша, спрашивает:

– Это ребенок? Уже родился? Чудненько! А где мамаша? А у ребенка вы слизь убрали? – все это, сидя на диване.

– Какая слизь! Он уже пальчик сосет, есть хочет! Мамаша в спальне! Забирайте ее в больницу!

– А как же мы ее унесем? Ведь лифт не работает?

– Молча! – говорю прописную истину.

Подругу погрузили на носилки и стали спорить, как выносить, вперед ногами или головой. Бабушки и дедушки воют, что вперед ногами не хорошо, а вперед головой она у них сваливается. Минут через сорок из дверей подъезда появляется цепочка: носилки с роженицей, докторша с животом, я с ребенком, остальные за нами. Подругу грузят в «скорую», врача заталкивают на переднее сиденье, ей тоже пора рожать, захлопывают двери и... уезжают. Мы машем им вслед, пока до меня не доходит, что ребенок-то у меня на руках. Я начинаю бежать за «скорой», за мной – весь народ. Зрелище – обхохочешься!

– Стойте, – кричу я, – ребенка забыли!

Но куда там! «Скорая» мчится так быстро, что... ребенок остается мне.

Тут на машине, как всегда вовремя, во двор въезжает муж подруги, еще не знающий, что он уже папаша. Я сую ему в руки малыша и кричу:

– Поздравляю! Твой! Едем в больницу!

Так и закончилась эта счастливая история. А подруге я предложила пойти и... плюнуть тому профессору на лысину... Хотя, говорят, человек предполагает, а Бог располагает.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

Не совсем биографическое (отрывок)

Прошло много лет, сменились страны, города, но Мариуполь всегда в моем сердце. Говорят, что нельзя вернуться в детство и юность, никому это не удавалось. А можно ли встретиться с собой? Пообщаться, рассказать о прошедшем...

Время неумолимо идет вперед... Нет, уже не идет... бежит, несется, проносится мимо, оставляя за собой шлейф воспоминаний. И пока ты видишь этот шлейф, ты жив. Сейчас время Интернета и социальных сетей. Существует удивительная вещь – ты мгновенно можешь общаться с друзьями в любое время и в любой точке земного шара. И создается иллюзия, что весь мир умещается в твоём маленьком компьютере.

А вот дни рождения из праздников детства становятся неким напоминанием: а ведь тебе не дано знать, сколько осталось.

Этот рассказ не воспринимайте, как только мое воспоминание. Читатели часто отождествляют автора с героем. Но это не так. Писатель вбирает в себя осколки чужих судеб, а потом пишет «сборные» истории, сложившиеся в его вооб-

ражении в единое повествование.

***

Решение полететь в Мариуполь далось нелегко. Возраст не самая лучшая вещь на свете. Бывают, конечно, люди, здоровые генетически, но большинство с возрастом обретает такую массу заболеваний и возрастных неудобств, что остаток жизни они тратят на борьбу с ними, и каждодневные походы к врачам становятся жизненной необходимостью.

Но вот преодолены всевозможные сомнения, чемодан набит вещами и подарками, не забыты и таблетки, ведь встреча с детством и юностью так волнительна.

В последнее время мне часто снился странный сон. Я беру в руки фотографию из семейного альбома, где мне 18 лет. Май, худенькая девочка сидит на скамейке у своего дома под цветущей вишней, задумавшись о том, что будет, как сложится ее жизнь. Это ведь так важно для нее. Позади школа, сколько замечательного ждет впереди! Лицо ее светится внутренним светом – светом надежды и мечты.

С тех пор многое изменилось... И мне очень захотелось посидеть рядом на скамейке с той молоденькой девушкой и рассказать ей, как прошла жизнь. А вдруг удастся встретиться с собой?

Аэропорт Бен-Гурион, как всегда, похож на пчелиный улей. Смотрю на спящих вокруг людей, нагруженных

огромными чемоданами, и думаю, ладно, я лечу к себе, навстречу детству и юности, а они куда? Куда мчится весь этот людской поток, занятый только собой и своими проблемами. Мне кажется, что именно здесь, как нигде, ощущается одиночество в толпе. Никому нет дела до меня и моих страданий.

Единственное, в чем повезло: в самолете досталось место у окошка. Постепенно исчезают огни внизу, мир спит. Но зато на небе появляются звезды. Их много, и кажется, что они с удивлением смотрят на проносящиеся мимо самолеты. Самолеты, летящие сквозь пространство и время. Вот и мой привез меня в другую реальность.

Как только подошла к выходу, сразу поняла, что «здесь не там». Надо было спускаться по трапу с ручной кладью. Тяжёлый маленький чемоданчик больно бил по ногам, а еще надо было не упасть, лестница была скользкой. И погода сразу обрушилась на тебя: холодный пронизывающий ветер, мелкий противный дождик и туман. Люди ежились от утреннего холода, прилетев с плюс 31 и не ожидая такого перепада от природы. Еле поднялась в автобус, непонятно вели себя ноги после столь долгого сидения. Так бывает: ты бегаешь, ходишь, не замечая своего счастья, – и вот в какой-то момент твои ноги перестают ходить. И теперь только силой мысли ты ими управляешь: шаг, второй...

«Выпасть» из автобуса было еще сложнее. Но самой непростой задачей было найти свой большой чемодан... Ко-

гда мимо тебя плывут десятки близнецов, то, как понять, где твой? Я привязала на чемодан большую красную ленту, чтобы не спутать с другими, но при сдаче багажа служащая с негодованием на лице буквально вырвала ее. Так мой багаж остался без опознавательных знаков. Ну и что теперь делать? Мучительно вглядываюсь в проплывающие мимо чемоданчики, смотрю, что оторопь берет не только меня, решительно выхватываю наугад один, высматривая остаток красной ленты. Ура! Мой!

Остальные формальности не имеют значения. И вот – выход из аэропорта. Мариуполь – я вернулась! Правда, до него еще ехать почти шесть часов, но что это по сравнению с вечностью!

По дороге вертела головой направо и налево. Все было необычным. И бесконечные ухабы на дороге, которую, видимо, некому ремонтировать. Тебя трясет так, что самолет кажется детской игрушкой. Мой вопрос к водителю: почему не ремонтируют дороги, повис в воздухе. Понятно, давно стал риторическим. Зато радовали глаз пейзажи, проплывающие за окном: цветущие деревья, нескончаемые зеленые и желтые поля... А просторы! И тут же возник вопрос: почему такая плодородная земля не может себя прокормить? Не может принести людям этой страны достаток? А чернозем?! Тут же захотелось выбросить все вещи из чемодана и привезти домой 25 килограмм чернозема, жирненького, вкусненького, плодоносящего.

Вспомнился песок, который был у нас повсюду. Когда я впервые увидела, как на песке, практически без земли, здесь создано все, чтобы земля цвела разными оттенками и цветами. Даже деревья здесь цветут круглый год, поражая, удивляя и восхищая. Сейчас при южном въезде в Ашдод цветет жакаранда. Удивительное дерево с лиловыми цветами. Листьев нет, а цветы уже есть. И вот ты едешь по огромной аллее, а вокруг тебя лиловый мир, лиловый туман, лиловый снег из опадающих лепестков. Сказочный мир, нереальный... А еще это дерево вырастает до 30 метров, окутывает тебя лиловым туманом, приносит счастье. В Австралии принято сажать жакаранду в честь рождения ребенка. И у каждого есть свое собственное счастливое дерево.

А потом зацветает красная и желтая акации. Сумасшедшее буйство красок. Красную даже называют деревом-пожар. Им на смену приходит дерево, которое называют «золотой дождь». Кажется, подставь руку, и «золотые цветы» так и падают... Есть еще израильская сирень. Красивая, но совершенно не пахнет. И так круглый год меняются цветы и цветущие деревья, как на настоящем натюрморте. Буйство красок, соцветий, оттенков заменяют здесь ощущение от морозного дня. Когдаходишь с улицы, внося с собой удивительное запах белизны и чистоты. Только здесь – это ощущение – радость жизни, ее неповторимая красота.

Правда, обычно люди не замечают красоты вокруг, они заняты повседневной суетой. У каждого из нас своя планета,

хотя Земля на всех одна...

Перед Мариуполем два блокпоста, совсем, как у нас. Молоденький солдатик попросил мой паспорт, пристально разглядывал фото. А я подумала, что совсем не похожа на свою фотографию, редко получаюсь нормально, в основном – как перепуганная птица. Спросил о цели визита.

– Еду к себе домой, – ответила я, не задумываясь.

– Но ведь вы же живете в Израиле? – в свою очередь удивился он.

– И что?! Мой дом в Украине, в России и в Израиле. В каждой из этих стран прошла часть моей жизни.

Он удивленно посмотрел на меня, и в его взгляде я прочла, что все эти иностранцы – странные люди. Молодость, что с нее возьмешь... Удивление прощаю, а вот «иностранца» – нет.

Гостиница оказалась очень чистенькой и уютной. Главное — в центре города. Было такое ощущение, что страна застряла где-то в восьмидесятых после развала Советского Союза, но встречаются островки и современной цивилизации.

Вечером пошла гулять по городу. Всматривалась в дома, улицы, лица, как будто пыталась узнать, не проплывает ли мимо моя мариупольская жизнь. Драмтеатр стоит на месте, хотя в сквере давно нет памятника Жданову. Много лет город был переименован в Жданов, но потом опять возвратились к Мариуполю.

Часто меня спрашивают: Мариуполь – это захолустье, за-

бытый Богом город. Что вы там забыли? Странно это слышать. Судьба этого города, основанного греками и имеющего преимущества, дарованные императорами, очень интересна.

Но для меня – это начало моей жизни, моей судьбы. Здесь еще живы родители, молоды и красивы. Я еду на Левый берег города, который отделяет речка Кальмиус. Проезжаем мимо завода «Азовсталь». Запах ужасный, трубы завода – и не только этого – в буквальном смысле травят город и горожан. Раньше завод часто штрафовали за это, они ставили фильтры. Сейчас, видимо, некому им указывать, а очистка стоит дорого, поэтому и травят жителей.

Те, кто годами работал на заводах города, уже не чувствовали этот запах. Наш сосед через много лет поехал на Кубань, откуда был родом. Вдыхал воздух чистый, пить его можно было горстями. Однако долго не смог им дышать, легкие были уже разрушены. А сейчас эта вонь расстроила, такой город портят. И, видимо, безнаказанно.

Вот и знакомый переулок Аносова. И наш дом. 24 года меня здесь не было. Я подошла к подъезду, увидела разрушенные скамейки прямо перед домом... Раньше жильцы этого дома не ждали помощи коммунальных служб, все делали сами. Разве они допустили бы такие лавки? Но, к моему большому удивлению, на скамейке сидела... я сама, только на пятьдесят лет моложе.

Побывала на кладбище, где похоронен папа Марк – Миша, как его ласково все называли. Первый раз поехали втро-

ем, больше трех часов бродили по кладбищу в поисках папиного памятника, расходились в разные стороны, но все было безрезультатно.

Пошли в сторожку, чтобы уточнить место захоронения. Там дали адрес архива. Молодая женщина на нашу просьбу, к счастью, откликнулась с добротой, через две минуты вынесла из архива бумажку, на которой написала сектор, ряд и место.

Поехали опять. Пошел дождик. Нашли этот сектор, высчитали ряд. Ходить было скользко по мокрой земле. Опять разошлись в разные стороны, искали везде, все безрезультатно. Расстроилась, решив, что слишком много лет прошло, уже, видимо, не найду.

Решила пройти по этому ряду еще раз до конца, на всякий случай. В Украине сейчас все цветет, но особое буйство сирени. И такая она пахучая! У нас тоже есть сирень, красивая, но без запаха. А тут к концу ряда уже в который раз прохожу мимо куста сирени, огромный, рясно усеян цветами и... запах удивительный.

И вдруг на мокрой земле поскользнулась, и сирень прямо меня укутала. Я нагнулась еще раз вдохнуть этот волшебный запах и... внутри увидела памятник, который так старательно от людских глаз скрывала сирень.

Да, вы не ошиблись. Это оказался папин памятник. так мы и встретились. Светлая память тебе, папочка!

ЭВМ

*(Все события и персонажи вымышлены,
все совпадения случайны).*

...Было это много лет назад (когда пишу «много» – самой становится нехорошо – неужели я такая старая?) ... После школы я устроилась работать на большой завод.

Сначала меня взяли почтальоном. Территория завода была огромной, между цехами были гигантские расстояния, целый отдел занимался доставкой корреспонденции от цеха к цеху и к заводууправлению. За день так набегаешься, что ног не чувствуешь.

Но однажды меня вызывают к начальнику. Шла, недоумевая, зачем? Уволят, кто-то пожаловался? В отделе кадров мне сообщают, что переводят в другой отдел – бухгалтерию. Я удивилась, конечно, математику в пределах школы я знала, была прилежной ученицей, но какое я имею отношение к бухгалтерии? Мне объясняют, что это не совсем бухгалтерия. А ее счетное подразделение. Военные передали на баланс завода списанные машины ЭВМ. На них нужно будет считать зарплату, то есть, машина сама будет считать, а моя задача – вводить данные. Если я себя хорошо зарекомендую, то мне дадут направление в институт без экзаменов.

Любой другой прыгал бы от радости, но только не я. Ибо

я родилась гуманитарием. И ничего с этим поделать нельзя. Однако в этом деле был очень весомый аргумент – зарплата была намного выше, сидеть надо было в комнате, а не мокнуть под дождем или мерзнуть, боясь поскользнуться.

И вот первый день на работе. Нас всего пятеро. Заведующая, молодая женщина, много лет работавшая бухгалтером, а теперь вместе с остальными осваивающая новую специальность. Огромную комнату занимают гигантские машины, тогда их называли ЭВМ – электронно-вычислительные машины. Они работают шумно, вздыхают, пыхтят, на них множество лампочек, которые в процессе работы мигают. Видимо, выработав свои ресурсы, ЭВМ кряхтят, недоумевая, почему их не оставят в покое.

Мне, как самой молодой, конечно же, достается самая старая машина, которая даже не хочет включаться. Напрасно мастер, на тот момент тоже не очень освоивший эту технику, пытается нажимать на большую зеленую кнопку, на которой было написано «ПУСК».

После многих безуспешных попыток он спасается бегством. Заведующая смотрит на меня сочувственно и говорит: «Не волнуйся, у тебя нет семьи и детей, поэтому будем ждать, пока машина заработает. А пока можешь помогать девочкам». Я была в шоке. Как? Остаться без зарплаты? И все только потому, что я моложе всех, и все считают, что деньги мне не нужны. И я решаю принять собственные меры.

На следующее утро прихожу раньше всех. В огромной

комнате тихо и даже немного страшновато. Две машины сверкают лампочками, но моя не подает признаков жизни. Я сажусь возле нее и начинаю ей рассказывать, как для меня важно, чтобы она работала, что без ее помощи рухнет моя мечта. А этого нельзя допустить.

Мы с ней так проговорили минут сорок, вернее, говорила я, а она просто слушала. В это время все приходят на работу. Одна из сотрудниц Люба, а на тот момент ей было лет 30—35 (мне она тогда казалась старухой), была очень завистлива, видимо, такой родилась и очень равнодушна к моей национальности. И только ко мне она пристально приглядывалась и постоянно задавала провокационные вопросы: «А как ты здесь оказалась? Неужели по благу?» Но я тогда была очень молода, любила жизнь и... ничего отрицательного вокруг себя не замечала.

– Доброе утро! Как работа? – ехидно спрашивает она меня в тот день.

– Нормально, – я поворачиваюсь к своей машине, подмигиваю ей и ласково прошу: – Любушка, давай покажем всем, как нужно дружить и работать!

Люба – так звали эту приставучую даму, и решение назвать так свою ЭВМ пришло спонтанно. Надеясь на чудо (эта надежда сопровождает меня всю мою жизнь), я смело протягиваю руку и нажимаю на кнопку «ПУСК». И тут ко всеобщему изумлению, и к моему тоже, машина заиграла лампочками, тяжело вздохнула, заурчала и... заработала. Все оце-

пенели... Первая пришла в себя начальница:

– Ура! Загружай быстрее! Что стоишь?!

Ее вопль вернул меня в реальность. Я села перед машиной и стала лихорадочно набирать данные. С тех пор мы с Любушкой работали ударно, без поломок и без простоя. Я приходила чуть раньше, рассказывала ей обо всем, мы подружались. Остальные недоумевали. Машины то и дело ломались, приходилось работать вручную. Однажды я сама видела, как Люба пнула свою ногой.

– Карга старая! Не понимает, что мне зарплата нужна.

И вдруг она решает, что я специально порчу машины и остается ночью подсматривать. Но нельзя увидеть то, чего нет. Можно только придумать.

Прошел год... Нам звонит тетя, жившая на Кавказе, и приглашает меня в гости, чтобы показать красоту неопишемую. Я беру отпуск, объясняю все Любушке и мчусь в новые неизведанные края.

Люба тут же устраивает скандал начальнице, требуя посадить ее за мою машину. Та соглашается, все равно машина месяц будет простаивать. Люба радостно садится на место возле ЭВМ и нажимает на кнопку. Но не тут-то было. Машина и не собирается включаться. Вызывают мастера, Люба материт Любушку разными словами, все напрасно. И тогда, чтобы хоть как-то досадить мне, она пишет жалобу на имя директора завода о том, что я нарочно испортила такую дорогостоящую технику.

Пока я месяц наслаждаюсь красотами Кавказа, страсти разгораются. Комиссии исследуют ЭВМ, думают и гадают. Но... ничего понять не могут. Тогда решают собраться в первый день моей работы после отпуска и понаблюдать... А чтобы я ничего не подстроила, Люба остается на ночь, бдительно охраняя машину.

Утром, загоревшая и счастливая, я прихожу в отдел. Увидев большое скопление людей, удивляюсь.

– Кто это? Комиссия?

– Да, – неестественно замявшись, выдохнула начальница. – Но пора всем работать.

Я сажусь к своей машине, глажу ее, здороваюсь и шепчу:

– Любушка, привет! Я вернулась! Потом тебе все расскажу... А ты мне – как ты тут без меня? Что-то тут сегодня много людей... Давай-ка поработаем, – и нажимаю на зеленую кнопку.

Машина кряхтит, лампочки мигают и... мы начинаем работать. Минут 20 комиссия стоит в недоумении за моей спиной. А потом потихоньку выходит...

Внезапно Люба бежит по отделу, что-то выкрикивает.

– Это все заговор! Еврейский заговор! Вот, что она ей шепчет?

– Что это с ней? – спрашиваю я остальных, в тот момент, не зная всей подоплеки.

Все дружно промолчали. Мы с Любушкой не обращаем на это особого внимания, ведь давно не виделись и соскучи-

лись друг за другом. Да и работа ждать не будет. К тому же, я не была уверена, что Любушка тоже нашей национальности. К счастью, больше завистливая Люба в нашем отделе не появлялась.

А я поступаю в университет на филологический факультет. Перед увольнением обучаю работе на своей Любушке молоденькую девушку, объяснив, что машина – это живое существо и с ней надо дружить. Любушка очень переживает, тяжело вздыхает в последний день совместной работы, я тоже расстроена, как без нее?

Но молодость берет свое: меня ждет студенческая жизнь, полная приключений и надежд.

Теперь даже сложно представить, какими были эти первые ЭВМ. Особенно, когда в кармане твоей сумочки лежит телефон – настоящий миниатюрный компьютер, с которым, кстати, тоже нужно дружить.

Ностальгия по дефициту

Хорошая страна у нас! Красота! Все есть! Даже желать ничего не надо – все, чего хочешь, тут есть. Даже скучно! Нет никакого азарта! Нет удовольствия! Вот в той жизни, ищешь знакомство, договариваешься. Крадучись пробираешься в магазин, тебе из-под полы дадут что-то дефицитное, тайком выбираешься, чтобы никакой ОБХСС тебя не застукал, а то еще хуже – народный контроль. Несешь домой с улыбкой на лице – улыбкой собственника того, чего нет у других. А дома... смотришь – не налюбуйешься. Вот было счастье!

Помню один случай... Невозможно было достать любимое лакомство детей – сгущенное молоко. Когда родители присылали вожделенную баночку, то мы устраивали настоящий праздник. Есть сгущенку было непозволительной роскошью, мы ее варили... да, варили, чтобы сделать крем для торта. Это была такая вкуснотища, такое наслаждение!

И вдруг однажды иду по привокзальной площади нашего города вместе со своей знакомой после работы и вдруг вижу три огромных хвоста, выстроившихся полукругом и извивающихся, как змеи. Три очереди, волнующиеся, кричащие. В каждой считаются, проверяют номера и вопят, чтобы давали по норме, а то всем не хватит.

Срочно пробегаем по всем трем, занимаем очередь, запи-

сывая номера на ладони, а затем задаем традиционный, такой сладостный вопрос: что дают? Это уже стало традицией: сначала занять очередь, а только потом вождеденно спрашивать, что дают.

В одной очереди продают какую-то ерунду, практически она никому не нужна. Но тогда существовало твердое неписаное правило, надо брать! Во-первых, если считается дефицитом, то должно у тебя быть. Во-вторых, кто его знает, может быть, это тебе скоро понадобится, а где тогда взять? Вот и покупали тогда частенько на всякий случай.

Во второй очереди продают детские железные горшки. Счастье! По тем временам большой дефицит! Как сейчас помню – синенькие такие с цветочками. Цветочки, чтобы советские дети с ранних лет привыкали к красоте, даже в такой момент. А главное – с крышечкой! Сделал дело и закрой! Не огромные, а маленькие такие, аккуратненькие. Симпатичненькие такие, прямо глаз не нарадуется! Я бы штук десять взяла, но давали только по три. А когда подошла наша очередь, стали давать по два, потому что уже заканчивались. Задние кричали, чтобы давали по одному, а то им не достанется. Мы купили по два симпатичненьких горшочка и сложили их в авоськи, тогда других сумок не было.

Затем подошли к третьей очереди, пытаюсь узнать, что здесь за дефицит. И вдруг слышим и ушам своим поверить не можем – сгущенное молоко! На разлив, из огромной бочки! Представляете, люди аж пляшут от радости! Слезы сча-

стья на глазах! И самое главное, что дают по три килограмма! Это ж целое состояние! Но вот беда: тара нужна. Тогда еще не было всех этих банок из пластмассы, коробочек. Нужна была тара, или... Можешь отправляться восвояси! О горе! Тогда не так-то просто можно было достать пустую бутылку.

– Идем домой, – горестно вздохнула подруга. – Не видать нам сгущенки, как своих ушей!

Но я не могу уйти, не получив долгожданную сладость! Нет! И вдруг решение приходит само собой, ведь в руках у нас новые детские горшочки, да еще с крышечкой! А что? Вот где счастье! Тара есть!

– Ты что, с ума сошла! – крутит пальцем у виска подруга. – В психушку упекут! Точно!

В те времена в психушку упекали и по менее ничтожному поводу!

– Да не волнуйся ты так! Вон кран на улице, сейчас сполоснем... Они же новенькие, не использованные...

– Да она убьет тебя и будет права! Подумает, что ты над ней насмехаешься!

– Ну и пусть! Но мои дети без сгущенки не останутся! Да она и не заметит! Смотри!

Бедная продавщица, уставшая от бесконечной очереди, машинально брала тару, отработанными движениями наливала половником сгущенку, механически ставила банку на весы, брала деньги, давала сдачи. Все это, не поднимая головы и не глядя в сторону покупателей. На лице ее было

написано крупными буквами: а идите вы все!

Когда подошла моя очередь, я быстро вытащила из-за спины новенький голубенький горшочек и аккуратно поставила его на весы. Продавщица заученным движением взяла его за ручку, налила половником сгущенку и так же, не глядя, бухнула на весы. Я кивнула подруге: учись, мол! И вдруг, видимо, что-то показалось продавщице странным и... она медленно подняла глаза... Сначала оторопело уставилась на весы, где полный сгущенки стоял новенький в цветочек детский горшочек! Очередь притихла.

Потом посмотрела на меня. Я изо всех сил сделала серьезное лицо, обычное, мол, дело использовать такую тару. Затем она также медленно перевела взгляд на очередь, которая, замерев в томительном ожидании, напряглась, обалдев от моей наглости и не зная, чем все закончится. Пауза затянулась... Мне даже показалось, что я вижу, как бегают ее мысли, кружась и перескакивая. Я решила нарушить молчание:

– Да вы, пожалуйста, не волнуйтесь, он – новенький!

Но она, проигнорировав мои слова, продолжала соображать... На площади стало так тихо, что слышно было, как летят мухи на сгущенку.

Наконец она шумно выдохнула воздух, взяла деньги из моих рук, кивнула на горшочек и изрекла почти басом, как отрезала:

– Хорошо, что не унитаз!

Очередь, замерев с аплодисментами только на секунду,

разразилась безудержным хохотом!

...Уходя и унося с собой синенький горшочек со вкуснейшей сгущенкой, я оглянулась, очереди за горшками больше не существовало. Зато втрое выросла очередь за сгущенкой, причем каждый держал в руке синенький детский горшочек с цветочками. Гордые и счастливые, осторожно держа перед собой горшочек с вожаденной сгущенкой, мы отправились домой! Вот оно счастье! Вот наслаждение жизнью!

Говорят...

Говорят, что в России пьют много. Ерунда. Поклеп. В каждом кино пьют! Только в их фильмах пьют виски, да еще разбавляют водой. Где ж та крепость? А у нас водку глушат стаканами, не разбавляя. За многие поколения сформировался генотип, пьющая особь. А шо? Водка формирует характер, закаляет. А главное – помогает видеть жизнь в пятом измерении. Радужном, то есть каждый раз, как выпьешь, видишь радугу. А вот жена моя ее никогда не видела. Несчастливая!

А у меня богатая пивческая история. Были и потрясающие встречи. В молодости было такое заведение, называлось вытрезвитель. Подберут тебя на улице, привезут, отмоют, переоденут и спать уложат в чистую постель. Не то, что жена, гонит из дому. Я даже гордился этим. Однажды узнал, что на этой же койке спал первый секретарь нашего города. Это ж надо! Милиция с уважением к нам относилась, перевоспитывала. А как Советского Союза не стало, вытрезвители позакрывали, никакого уважения к пьющему не стало. Однажды шел домой, упал через порог подъезда и уснул. Проезжала милиция, взяли меня за руки и ноги и как... бросят в свой «газик» на пол. Все внутренности отбили. Вдруг жена моя выбегает, увидела и кричит: «Стойте! Стойте! Это ж мой муж!». Милиционеры подумали, подумали, взяли меня за руки и ноги и выкинули на асфальт,

все внутренности вернулись на место. Бери, мол, если твой!
С тех пор чуток меньше пью, как инвалид.

Купил как-то внукам попугая. Маленький такой, зеленый. Шустрым оказался. Хотел обследовать мир вокруг себя. Открывал дверцу клетки и летал по квартире. Да еще и говорить научился. Оказалось, врага себе купил. Я от жены бутылочку спрячу, в секретное место, а он сядет там и кричит: «Сюрприз! Сюрприз!». Житья не стало. Ну, думаю, я тебе покажу! Привязал проволокой дверцу клетки намертво. Выйди теперь, вражина! Пару дней он с проволокой мучался, но ничего не получалось. Бегал по клетке, как будто соли на хвост насыпали. У меня полный кайф. Надрался так, что радуга три дня сверкала. Очухался, купил бутылочку, спрячу и вдруг вражина сидит: «Сюрприз!» орет. В общем, решил я его тоже напоить, пусть попробует, вдруг понравится. Вместе пить будем!

В водичку ему водочки налил, попробуй, мол. Ему понравилось. Орал какие-то песни, затем вообще исчез. А у нас юбилей с женой. Пятьдесят лет вместе, подумать только, пятьдесят лет я с ней мучаюсь, с наслаждением выпить не даст. Стол накрыли, объединье. Особенным блюдом был у нас плов. Сели за стол с гостями. Ели, пили, затем принялись за коронное блюдо – плов! Вдруг жена, как закричит! Плов зашевелился, все остолбенели. И из груди риса и мяса выползает на четвереньках наш попка. Боже, как нализался! Выполз, отряхнулся и бухнулся на стол мертвым сном. Жена

молчала, а потом говорит: «Кого-то он мне напоминает...». Но я-то не виноват, что он так налился! После этого он мне отомстил, уже три месяца не могу спокойно выпить, все видит. Так и бдит! Так и бдит!

Сосед мне посоветовал: «А купи ему пару. Ему будет не до тебя». Вот здорово! Как же я раньше не задумался? Куплю ему бабу, он обо мне и забудет. Но сначала нужно убедиться, что он сам мужик. Я надел очки, поймал его, час разглядывал, понял, мужик!

Пошел с внуками на рынок, купили самочку. Продавец нам все рассказал, как гнездо им строить, гнездышко тоже купили. Как птенцов выхаживать. Ну, думаю, гад, будет потомство, баба приставучая, обо мне забудешь. Принесли самочку, в клетку запустили. Смотрим, что будет. Они сначала на разных жердочках сидели, потом ворковать стали, подружились. Мы выждали положенное время, гнездышко к клетке прицепили. Ждем! Все сроки прошли, а птенцов все нет. А он по-прежнему вылетает и шпионит за мной. Вот гад!

Однажды приехала к нам сваха в гости. Внуки ей о своей беде рассказали. Попугаи бездетными оказались. Она надела очки, долго обоих рассматривала, а потом и спрашивает: «А кто выбирал?» Оказалось, что обе самочки! А ведь ворковали. Значит, нетрадиционной ориентации. А может, сплетничали о нас? Не зря же эта попугаиха так моей жене помогает. Женская солидарность. Придется смириться и на старости лет пить бросить.

Студенчество...

Пожалуй, одна из самых золотых страниц жизни советского студента. Тогда не только учились бесплатно (!), но и получали стипендию... Сейчас звучит совсем, как кадр из фантастического фильма. А студенческое общежитие? Как одна семья пять лет, а потом встречаемся только в компьютере.

Там новички проходили науку выживания. Но... каждый учится на своих ошибках, поэтому первую большую стипендию потратили в местном ГУМе за час, а потом целый месяц варили суп из пачки, предназначенной на литр воды в пятилитровой кастрюле. Это было, как наваждение. Большая для того времени сумма в руках и... трехэтажный магазин. Хватали все, что попало, это был дурман... Наутро, проснувшись, долго рассматривали купленные вещи, недоумевая, зачем нам это.

Была у нас и своя дедовщина. Нет, в хорошем смысле. Старшекурсники учили жить салаг, то есть первокурсников. Одна из таких пятикурсниц поселилась в нашей комнате. И что тут началось! Советы она нам давала непрерывно! Сама была жутко рассеянной. Да еще и старуха! Ей тогда было лет 25, а нам только 19. Одно слово – старуха! Так вот, достала она нас!

Днем она обожала спать, при этом укрывалась только газетами, которые разъезжались при каждом ее движении. Веч-

но теряла свои вещи, обвиняя при этом нас. Однажды дошло до абсурда. Было ее дежурство по комнате. Мы, вернувшись с занятий, остановились, как вкопанные, на пороге комнаты: не иначе был погром! Все было разбросано, перемешано, явно что-то искали! Неужели начальство проводило обыск? А внутри комнаты стояла наша старшекурсница с руками в боки и метала в нас громы и молнии. Мы растерялись...

– Что стоите столбом? Есть садитесь, суп стынет, уже несколько раз разогревала! Чему вас только в университете учат! Молодежь несчастная!

Мы, не зная, в чем провинись, голодные, сели обедать супом, который приготовила дежурная. Лидка долго читала нам лекцию, что мы неблагодарные, посылая нас на все тридцать три буквы русского алфавита. С трудом нам удалось понять, что она с утра не может найти очки, считая это делом наших рук.

– А как же ты готовила суп? – поперхнулись мы. Ведь знали, что без очков она ничего не видит.

– Наощупь! – отрезала Лидка. – Ешьте, а то!

Что значит «А то!» мы ждать не стали, а побыстрее ели суп, чтобы разбежаться по своим делам. Довольная, как и любая повариха, результатами нашей еды, она с удовольствием наливала нам добавку. При этом побулбучивая, что мы вечно голодные... Вдруг в кастрюле что-то звякнуло... Все напряглись. Она влезла в кастрюлю с головой, но все равно

ничего не увидела. Тогда мы решили пошутить.

– Лид, а Лид, – вскочила одна из нас, смешливая Женька. – Дай-ка я за тобой поухаживаю.

– Ладно уж, – милостиво разрешила она, усаживаясь за стол.

Женя старательно шарит половником в кастрюле, делая вид, что выискивает самые лучшие кусочки, которых и в помине не могло быть. И, торжествуя, наливает что-то в тарелку старшекурсницы. В суповой жиге оказываются очки!

Пауза затянулась. Лидка обалдело смотрит на очки, которые варились вместе с супом, а мы еле сдерживаемся от смеха, иначе...

По утрам занудно звенел будильник. Огромный, шумный, он не давал нам проспать лекции. Но мы ухитрились, накрывшись подушками, досматривать утренний сон. Если бы не Лида, которая все утро носилась по нашей маленькой комнатенке, что-то искала, кричала, как на пожаре, что опаздываем, мы бы точно просыпали. Поэтому на первую пару мы влетали, как после катаклизмов. В холле факультета стояло огромное зеркало, полусонные студенты, а больше – студентки – устраивали очередь, чтобы добраться до него и причесаться, накраситься, то есть привести себя в божеский вид. И вот однажды, ворвавшись на факультет, сдав в раздевалку пальто и шубы, мы протиснулись к зеркалу, чтобы увидеть свои просыпающиеся физиономии и навести хоть какой-то марафет. И вдруг я случайно опускаю глаза и – о ужас! – ви-

жу, что Лидка, надев свитер и комбинацию, забыла надеть юбку. Я пытаюсь потянуть ее за рукав и сказать, чтобы она не паниковала, а тихонько пошла и взяла назад шубку, чтобы прикрыться. Но Лида красит глаза, стрелки ползут то вверх, то вниз, она отмахивается от меня:

– Да отстань ты, видишь, занята. Но я не унимаюсь. Она оборачивается, я тихонько шепчу ей... Вдруг она издает такой пронзительный вопль, что все, а это немало, оборачиваются и смотрят на вопящую Лидку, расступаясь и давясь от хохота, потому что она, вопя истошно, бежит по холлу, используя руки вместо юбки. Наконец нам удается, образовав шведскую стенку, прикрыть ее отступление к раздевалке за шубой. Вы думаете, она нам сказала спасибо? Увы, сказала, что мы опозорили ее, обнаружив исчезновение юбки.

Однажды мы отмечали чей-то день рождения. Народу набилось в нашей маленькой комнатенке – будь здоров! Тогда на приглашение откликалось полкурса, приходили без подарка – откуда у студента деньги! – но зато все хотели есть. Мы с Ниной были дежурными по кухне. В нашу обязанность входило пюре, по тем временам дешевое, сытное и вкусное блюдо. Мы заняли у соседней огромную кастрюлю, начистили немало картошки, благополучно сварили, даже не пересолив. С трудом слили воду, растолкли, выложили в большое блюдо, тоже одолженное на этот вечер, и... понесли по коридору, поскольку кухни в общежитиях были общими для всех. Было горячо... Вдруг посреди коридора Нинка броси-

ла свою ношу, а поскольку я этого не ожидала, то, естественно, машинально бросила свою. Пюре оказалось на полу. Белоснежное, горячее, такое вкусное! Оно растеклось по полу, источая вкуснейший, аппетитнейший запах. Мы обалдели, застыв от горя...

В это время из нашей комнаты выбегает Римка, ее послали, чтобы нас поторопить, ибо народ жаждет поесть. Увидев долгожданное пюре на полу, она сначала остолбенела, а потом, широко открыв рот, хотела закричать! Нинка, сориентировавшись, подскочила к ней и подпрыгнув, ибо Римка была гигантского роста, закрыла ладонью рот:

– Тише, ты! Чего орешь? Действовать надо! Пюре остывает! Дверь в комнату закрой и стой на стреме, чтобы еще кто-то не выскочил. Поняла? – И презрительно добавила: – Салаги!

Римка, испуганно кивнув головой, стремглав бросилась в комнату, закрыв за собой дверь.

Нинка, оглядев пустой коридор, – нет ли свидетелей! – стала быстро ложкой собирать пюре. Я стояла столбом, давась от смеха.

– Что стоишь? Помогай! А лучше прикрой! Смотри, чтобы никто не увидел! Учись! Старшекурсники не сдаются!

Пюре было спасено. Мы торжественно внесли его в комнату, оно даже не успело остыть. Все с аппетитом ели селедку, уминая и нахваливая пюре, и только мы втроем: я, Римка и Нинка смотрели на них с завистью. Ведь мы-то знали...

Раздел второй.

В новой реальности...

Соня

Соня открыла глаза... Посмотрела на часы, висевшие напротив. Она давно уже не видела стрелки, определяя время интуитивно, глаза устали смотреть на белый свет. Но часы не убирала, пусть висят. Они напоминали ей то время, когда ее глаза видели все вокруг. Перевела взгляд на окно – светало. Вставать не хотелось... Вокруг была мертвая тишина... Именно мертвая... Последние дни шла война... Вернее, один из ее бесконечных эпизодов... Долгих и страшных...

Вдруг вой сирены проскрежетал в ушах. Соня даже не пошевелилась, ей уже все равно. Когда тебе за 90, можно и не вставать. Но в дверь застучали... Это Света, дежурная по этажу. Надо встать, а то она выбьет дверь. Спасибо, что так за всех беспокоится. Она помоложе, и ноги у нее еще ходят.

– Иду... – Соня тяжело встала, набросила халатик, лежавший рядом, и заковыляла к двери... Света, услышав шаги, пошла дальше. Только Соня открыла дверь своей комнаты,

раздался сумасшедший вой. Она охнула и зачем-то закрыла голову руками, как будто это могло спасти. Вокруг топтались соседи по этажу... растерянные и испуганные... За 45 секунд пробежать до защищенной комнаты могли только молодые, старики «выбежали» в общий коридор.

Раздался звон посыпавшегося стекла, крики...

– Чего испугалась? – рассердилась она на себя. – Каждый день причитаешь, что пора туда, а сейчас испугалась! Трусиха!

– Ракета упала рядом, – пробежал мимо молодежь сосед. – Вам помощь нужна? – спросил на ходу.

– Нет, спасибо. Я сама. – Она повернула к себе в комнату. – Ничего ты уже не можешь, старая развалина. Когда-то воевала, а сейчас...

Соня долго сидела, уставившись в одну точку... Время для нее остановилось...

Когда началась война, ей было немного лет. Родители не хотели эвакуироваться: а как же добро? С таким трудом наживали... Она хотела бежать в Красную Армию, но как бросить родителей. Детей много, все маленькие. Она была старшей.

Когда их повели на расстрел, отец резко вытолкнул ее из колонны и крикнул: «Прости!». Конвоиры бросились вдогонку, но сомкнулась толпа, а ее подталкивали вглубь...

Ночью она пошла на это место, надеялась, что, может быть, кто-то еще жив. Но увидела только засыпанную шах-

ту... Вернулась туда, где ее прятали, вся седая. Назавтра пошла искать партизан. Не было у нее больше страха, там он остался вместе с Йоником, Абрашей и другими. Долго брела по лесу, много дней не ела, только пила росу, ослабела совсем... Нашли ее партизаны, взяли к себе. Ни о чем не спрашивали, у каждого было свое горе горькое. Просилась на самые опасные задания, шла в самое пекло. Однажды спасла одного командира соседнего отряда, попавшего в западню и разгромленного немцами и полицией. Так он посмотрел на нее, что влюбилась она без памяти. Довоевали вместе до Победы.

Вернулись к мирной жизни. Да только жизни и не было. Весь израненный, болел часто. Она вместо сиделки. Рано стала вдовой. Детей Бог не дал. Так и осталась она одна. Работала в больнице санитаркой, помогала людям.

Много лет назад приехала сюда, чтобы пожить, и стала Соней, без Вячеславны. Даже помолодела, прикипела к этой земле. И вот снова сирены, снова война...

Но что ты можешь, старуха? И решила Соня, что должна она сделать еще что-то хорошее в этой жизни, а потом пусть забирают ее туда, откуда не возвращаются... Уже не первый раз ей оттуда звонили, только она все отмахивалась...

В двери снова стучали, сильно и звонко. Кто это? Явно, не Света. Соня с трудом встала и подошла к двери. На пороге стояли молоденькие солдатики.

– Как у вас дела? Нужна ли вам помощь? Как вы себя чув-

ствуете? – они плохо говорили по-русски, иные только улы-
бались, не зная языка.

– Спасибо, родные, мне ничего не нужно. Я – старый сол-
дат.

И вдруг у нее возник вопрос:

– А где находится этот купол, который нас защищает? Как
до него добраться?

– Не знаем, – шутила молодежь, – спросите у таксистов,
они все знают.

В этот момент Соня уже знала, что она должна делать. Она
собрала всех на этаже и сказала:

– Мы должны отблагодарить солдатиков, спасших нам
жизнь. Я видела по телевизору, что они живут в песках, без
удобств. А питаются, наверное, какой-то ерундой.

– Что ты говоришь? В армии хорошо кормят.

– Кормят казенным, а мы их угостим домашним. Как вну-
ков своих. Кто за?

Что тут началось! Все кричали и говорили, трудно было
что-то понять. Соня дала всем выговориться, затем остано-
вила поток красноречия.

– Значит, так! Я еду туда завтра утром! Кто что хочет при-
готовить и принести – жду до семи утра!

И, тяжело поднявшись, опираясь на палочку, пошла к се-
бе. Полдня ушло у нее на то, чтобы вытащить все свои за-
пасы. Шоколадки, конфеты. Даже тортик нашелся. Салфет-
ки надо не забыть. Соня приготовила свою сумку-тачку, куда

она сложит все продукты.

Хостель гудел, как улей. Все хотели чем-то угостить солдат. Утром дверь у Сони не закрывалась, несли котлеты, фаршированный перец, фаршированную рыбу, как же без нее! Все это завязывали, чтобы не остыло, укладывали, чтобы не опрокинулось. Набралось две тачки.

– Как ты это унесешь, Соня? – недоумевали все. Но Соня молчала, она не знала, как, но понимала, что это ее последний подвиг на этой земле.

Вызвали такси. Погрузили тачки, Соня, взяв костыль, воду и шапку, тяжело втиснулась в машину. Провожали все.

– Куда едем, бабушка? – спросил молодой таксист.

– Пески за городом знаешь? Едем туда!

– А что ты там будешь делать? – удивился водитель. –

Там же никто не живет.

– А я к внучкам, которые там дежурят.

– Это где купол стоит, бабуля? Туда же не пускают! Нельзя!

– Мне уже все можно, сынок.

– Ты с ума сошла, бабуля, по песку трудно идти, ты не сможешь... А зачем тебе?

Соня не могла тратить силы на долгие объяснения, ей надо было их беречь.

– Хочу угостить их домашним.

Таксист посмотрел на нее, решив, что она выжила из ума.

– Давай поедem домой, а, бабушка?

– Я тебе поеду, вперед!

Соня сердилась, как он ее не понимает, ведь они его тоже защищают.

Подъехали к пескам.

– Все, дальше песок, машина не проедет. Выходим.

Пока Соня с трудом покидала машину, таксист вытащил тачки с продуктами и жалобно смотрел на сумасшедшую старуху, не зная, что делать.

– Спасибо, сынок. Вот возьми деньги.

И Соня протянула ему пятьдесят шекелей.

– Да ты что, бабуля? – обиделся парень. – Денег не возьму!

– Так это туда и обратно. Ты ведь подождешь меня, сынок?

– Да ты что, бабуля, пока ты до них дойдешь, я столько денег потеряю. Позвони мне потом, я приеду.

И он стал рыться в карманах в поисках визитки.

– Да нет у меня... такого телефона... Не завела, не нужен был... А как же я одна?

– Господи, что же это такое? Ты же даже идти не сможешь!

Таксист, ругаясь по-грузински, схватил тачки с едой и пошел, не оборачиваясь, по песку туда, где стояла батарея и виднелась палатка.

Соня благодарно посмотрела ему в спину и поплелась за ним. Идти по песку ее ноги не хотели, но Соня дала им приказ! Она больше не берегла силы, она собрала их в кулак. Солнце пекло ужасно – пустыня! Соня прошла только половину, дальше ноги не хотели идти. Таксист ушел далеко

вперед, но, увидев, что она осела в песок, вернулся.

– Давай, бабуля, еще немного.

К ним уже бежал солдатик, которого послали выяснить, что происходит, увидев в бинокль эту странную картину.

Водитель долго что-то объяснял ему, показывая то на себя, то на Соню. Она терпеливо ждала, понимая, что здесь, как на фронте. Наконец солдат заулыбался и стал кому-то звонить. Через несколько минут к ним лихо подкатил военный вездеход. Соня не успела оглянуться, как сильные молодые руки подняли ее на машину, и она покатила вместе с таксистом.

Соня смотрела на счастливые лица солдатиков, которые ели с удовольствием, смеялись и шутили. Среди них была даже девушка. Соня подумала, что она очень напоминает ее в молодости. Пусть никогда у нее не будет такого горя, которое довелось пережить Соне. Единственное слово, которое она понимала, это спасибо, звучавшее на русском и иврите.

– Ешьте, родные, ешьте! Это вам не казенные харчи, это ваши бабушки и дедушки старались.

Прощались долго, даже букетик цветов где-то раздобыла молодежь. Назад Соня ехала с почетом на вездеходе. Он домчал их до машины.

Она была счастлива. Расцеловала таксиста. В хостеле все высыпали на улицу встречать Соню. Ей пожимали руки, благодарили... Ноги не хотели идти, но Соня снова приказала им. Это был ее последний рывок. Она искупалась, надела все

чистое и уснула со счастливой улыбкой, выполнив свой долг.
Теперь она знала, что Земля, ее Земля, в надежных руках.

2012.

Есть судьбы...

Есть судьбы, которые соединяет небо. Так было у Адама и Евы. Увидев в первом классе тоненькую болезненную девочку с огромными карими глазами и маленькой косичкой с огромным бантом, Адам понял, что влюблен. Он осторожно протиснулся к ней через толпу первоклашек и решительно взял за руку. Ручка была тоненькая, худенькая, она надежно спряталась в его большой не по возрасту руке. Ева удивленно посмотрела на мальчика, который взял ее за руку. Чуть выше ее, крепкий увалень, похож на медвежонка. Она не отдернула руку, а улыбнулась ему. Этот день стал началом их дружбы.

Сначала их дразнили, потом перестали, надоело. Все знали, что Адам и Ева – неразрывное целое. Их дружба переросла в любовь. Странно было видеть их вместе. Он – большой, красивый парень с кипой на голове, семья его была религиозной. Она – стройная красавица, в ее огромных глазах плескался целый мир. Трудно было понять, что их соединяет: быструю и импульсивную Еву и медлительного, но надежного Адама. А вместе это была потрясающе красивая пара, от которой исходил свет добра и красоты.

Адам очень боялся потерять Еву, его семья могла не принять эту девочку. Ему было странно восприятие коренными израильтянами выходцев из России. Какое-то непонимание

возникло между ними, и его не стирали даже годы жизни бок о бок. Но Адам твердо решил, что женится только на Еве.

Они поступили в университет, правда, на разные факультеты. Она – на преподавателя музыки, он – архитектора. Адам настаивал на свадьбе. Ева решительно уходила даже от обсуждения этого вопроса. В его среде без этого нельзя иметь настоящую семью, детей, а он не только любил Еву, но и уважал ее, хотел защитить от всего мира.

Однажды он решился поговорить с матерью, но та в ужасе замахала руками: даже не думай! И с того дня стала сватать ему невест, чтобы сын быстрее женился, забыв о своей «русской». Но он упрямо стоял на своем. Уже всех сестер выдали замуж, а он все ходил в холостяках.

В очередной раз в Израиле зазвучали сирены – никак соседи не хотели жить мирно, хотя страна никогда не начинала первой. Люди, живущие здесь, хотели спокойно растить детей, внуков, работать, петь, веселиться...

– Я решил пойти в армию, – сказал он ей однажды вечером. – Я мужчина и должен защитить тебя и своих родных, землю, на которой мы живем.

Она ничего не ответила, только тяжело вздохнула. Прощаясь, они долго стояли молча, обнявшись, отгородившись от всего мира стеной. В любви слова часто бывают лишними.

Они не виделись целых две недели, которые показались им вечностью. Заскочив домой, он прибежал к ней в университетское общежитие, и они остались на ночь вдвоём, бла-

го было лето, и студентов не было. Это была их первая ночь любви, которая оказалась волшебной и неземной.

Прошел месяц, обстановка была сложной, они перебивались каждую свободную минуту, пока однажды на его мобильном не прозвучал чужой мужской голос. Ева даже вздрогнула от неожиданности.

– Кто это? Где Адам? – а сердечко уже готово было вырваться из груди.

– Не волнуйтесь, он ранен, доставлен в госпиталь.

– Куда? В какой?

Она примчалась туда, но в больнице ей сказали, что у него в палате мама, а больше никого пустить не могут. Она прилегла в кресле в коридоре и стала ждать, когда можно будет увидеть его хоть на секунду. Потом на минутку увидела его странное неподвижное тело под простыней и лицо, незнакомое. Его повезли на операцию.

Она видела его маму, седую, постаревшую от горя, но не решалась к ней подойти. Что она скажет? Кто она такая?

В больнице ее заметили, и все стали подкармливать, даже нашли место для ночлега в сестринской. Днем она помогала медсестрам и нянечкам, терпеливо ухаживала за больными. Таких добровольцев в эти дни было немало. Удивительное дело, разобщенная на группы страна в минуту всеобщей опасности собиралась в единый кулак, готовая помогать и жертвовать, причем, никто никого об этом не просил.

Она не знала, сколько прошло времени, какой сегодня день. Но вот ему стало лучше, мама его отправилась домой немного отдохнуть, а она тихонько пробралась в палату и увидела его, он спал. Взяла его за руку, погладила. Такая большая и сильная, сейчас она беспомощно лежала поверх простыни. Он открыл глаза.

– Метука¹, я знал, что ты здесь, рядом, не плачь, все будет хорошо. Мне кое-что тебе нужно сказать...

– Мне тоже тебе кое-что нужно сказать, – перебила она его. – Но давай ты первый...

– Нет, нет, – забеспокоился он. – Сначала ты...

– Ладно, ладно, только обещай, что не будешь волноваться, иначе не скажу... – она погладила его по руке, стараясь передать ему свою жизненную силу и любовь...

– Обещаю! – он попытался улыбнуться.

– Я беременна, у нас будет ребенок...

Тысячи женщин произносят эти слова по-разному в этом мире, и тысячи мужчин воспринимают их по-своему. Он улыбнулся, его пальцы ласково погладили ее руку.

– Хаим шели², я так благодарен тебе... Мы должны срочно пожениться, и не возражай, мой ребенок не будет без отца.

Она скорей угадывала по движению его губ слова, видела, как ему непросто дался этот разговор, поэтому еще много часов просто сидела рядом, держа его за руку.

---

¹ Сладкая (иврит).

² Жизнь моя (иврит).

Война закончилась для многих, но для Адама битва продолжалась, он изо всех сил боролся за свою жизнь, ведь столько родных и любимых было рядом. Его огорчало, что мама всякий раз избегала разговора о Еве. Две любимые женщины были несоединимы, а ему так этого хотелось.

Время шло, у Евы появился животик, Адам клал на него руку и уже чувствовал, как брыкается малыш. Он знал, что будет мальчик. Ему сделали еще две операции, организм его не сдавался, он должен жить, иначе кто поможет Еве растить малыша. Его пугала ее все возрастающая бледность. Однажды, набравшись сил, он заговорил об этом со своим врачом. Он попросил его узнать, что происходит с его любимой, какое-то смутное беспокойство владело им. Тот долго отнекивался, потом все-таки, видя, что его пациента это очень беспокоит, узнал, что у Евы врожденная болезнь почек. Они всегда работали на пределе, а с беременностью положение становилось очень опасным. Оказывается, врачи запретили ей иметь детей, опасаясь, что ее почки этого не выдержат. Сейчас они практически еле работали, катастрофа могла произойти в любой момент.

Первый вопрос, который Адам задал, был:

– А нельзя взять мою почку для пересадки?

– Вы сейчас очень слабы, а это тяжелая операция. Ваша почка должна подойти по 400 показателям. А это из области чудес, ведь вы даже не родственники. Да и ей сейчас ничего нельзя, можно повредить ребенку, правда, если она сможет

его выносить.

– Доктор, помогите, больше некому. А нельзя ли сейчас взять анализы и узнать, подходит ли моя почка?

Он долго уговаривал доктора, и тот, наконец, сдался.

– Хорошо, я попробую...

– Доктор, у меня к вам есть еще одна просьба. К сожалению, я не могу обратиться к родным, мама моя не примет Еву...

Когда Ева пришла к нему в следующий раз, ее ждал сюрприз. Доктор пригласил раввина. В палате сделали импровизированную хупу (свадебный балдахин), зашли соседи из других палат.

– Ева, сегодня ты станешь моей женой, – Адам протянул ей свою руку.

Все было очень празднично, помогали все, только жених не мог встать с кровати. Ева и Адам были счастливы.

Когда они остались одни, Ева что-то хотела сказать Адаму. Но он перебил ее...

– Я знаю, что ты пожертвовала своей жизнью ради ребенка и меня, ты знаешь, как я хотел детей, похожих на тебя. Ты не должна была так рисковать...

– Любимый, все это не имеет значения. Ты поправишься, мы будем вместе: ты, я и наш малыш. Осталось уже совсем немного, и он появится на свет. – Ева погладила кругленький животик.

Ева не пришла ни на следующий день, ни потом. Адам от-

чаянно звонил по телефону в надежде услышать родной голос. Снова с мольбой обратился к врачу. Тот обещал узнать. Адам ждал прихода врача, как будто ждал ангела со счастливой вестью.

– Ну, вот, что я и говорил, – врач устало опустил на стул. Этот парень годился ему в сыновья, он так пытался помочь, но, как врач, понимал, что медицина бессильна, хотя всегда верил в лучшее. – Не волнуйся, Еве стало хуже. Отказали почки, ей сделали кесарево. Все в порядке: мальчик жив. – выдохнул он на одном дыхании. – Ева тоже жива, сейчас ее срочно готовят к диализу.

– Доктор, я должен отдать ей свою почку. Анализы уже готовы?

– Пока нет, это сложные вещи, думаю, что ответ будет нескоро.

– Скажите, а я могу... завещать свою почку Еве, если... со мной что-то случится. – каждое слово давалось ему с трудом. – Я слышал, что есть такая организация доноров.

– Во-первых, живи: у тебя теперь есть сын, во-вторых, твоя семья не одобрит твоего решения. Ты даже матери не сказал, что женился. Это ненормально.

– Да... вы правы. Но она и слушать не хочет о Еве. А я не могу без нее жить. Помогите мне: я хочу подписать бумагу.

– Что с тобой делать. Обещаю.

Ева пришла к нему через неделю и принесла малыша. Он

прижал его к себе, смотрел на крошечное личико и смеялся. Они снова были счастливы, их было уже трое. Целый день он улыбался, подписал бумаги и уснул, счастливый и радостный. Утром его не смогли добудиться, он умер во сне. Доктор нервно курил, он не знал, как сообщить это маленькой худенькой девочке, еле живой. Он никак не мог ответить на его мобильный, по которому она все утро звонила. Наконец он взял его в руки и ответил: «Алло». Она все поняла... Даже не заплакала...

Перед похоронами, оформляя необходимые документы, доктор сказал матери Адама.

– Ваш сын завещал свои органы тем, кто в них нуждается.

– Нет, я не допущу этого. Этого не может быть!

– Вот документы, – устало сказал доктор, – подписанные рукой вашего сына.

На похороны Еву не отпустили, доктор отвез ее на кладбище потом, когда смог вырваться из бесконечной череды хлопот. Они оба стояли у его могилы, молча каждый с ним разговаривал. Она беззвучно плакала. Он силой увел ее от туда.

– У тебя есть твой сын, ваш сын, Адам.

– Адам? – машинально повторила она.

– Конечно, это он вернулся к тебе, Адам. Да, забыл тебе сказать, Адам старший завещал свою почку тебе. Еще при его жизни мы сделали анализы. Я многое видел, но такого... По всем параметрам она тебе подходит. Иначе, как чудом,

назвать это невозможно! Так что готовься к операции: ты должна жить за себя и Адама ради маленького Адамчика.

Операция прошла успешно, это было удивительно, ведь врачи всерьез опасались, что Ева, измученная всем, что произошло, этого не выдержит. Маленький Адам заплакал, требуя внимания, и Ева встrepенулась, бросилась к малышу. Она шла на поправку, и их перевели в специальное отделение для выхаживания сложных случаев. А главное – почка прижилась и стала самостоятельно работать.

Однажды утром на обходе медсестра задержалась у таблички с именем и фамилией на кровати у Евы. Это была полнолицая приветливая молодая женщина.

– Откуда у вас такая фамилия и имя у малыша? – она даже побледнела от неожиданности.

– Это фамилия моего мужа, он недавно умер от ран, поэтому малыша я назвала его именем.

– Я... его сестра. Ничего не понимаю...

Они говорили очень долго. Ева сразу прониклась доверием к этой милой женщине, ей казалось, что Адам слышит их.

– Можно я подержу... Адамчика, – Лиор взяла малыша на руки и бережно прижала к себе. – Я должна поговорить с мамой...

– Нет, не надо. Я ее не осуждаю, мы сами проживем.

– Так не должно быть, так не может быть. – Лиор была немногословна, как и ее брат, остальное выражала чувствами.

– Мама, – прибежала она к матери. – Ты не можешь так поступать, я очень люблю тебя, но это выбор Адама, и мы должны уважать его.

Мать слушала молча, не проронив ни слова, потом встала и вышла, чтобы побыть одной. Горе сильно подкосило ее.

Утром Ева проснулась, слыша какую-то песню во сне. Она открыла глаза. И увидела маму Адама, которая качала малыша, напевая ему колыбельную на идиш. Они встретились глазами и прочли в них все, что хотели сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.